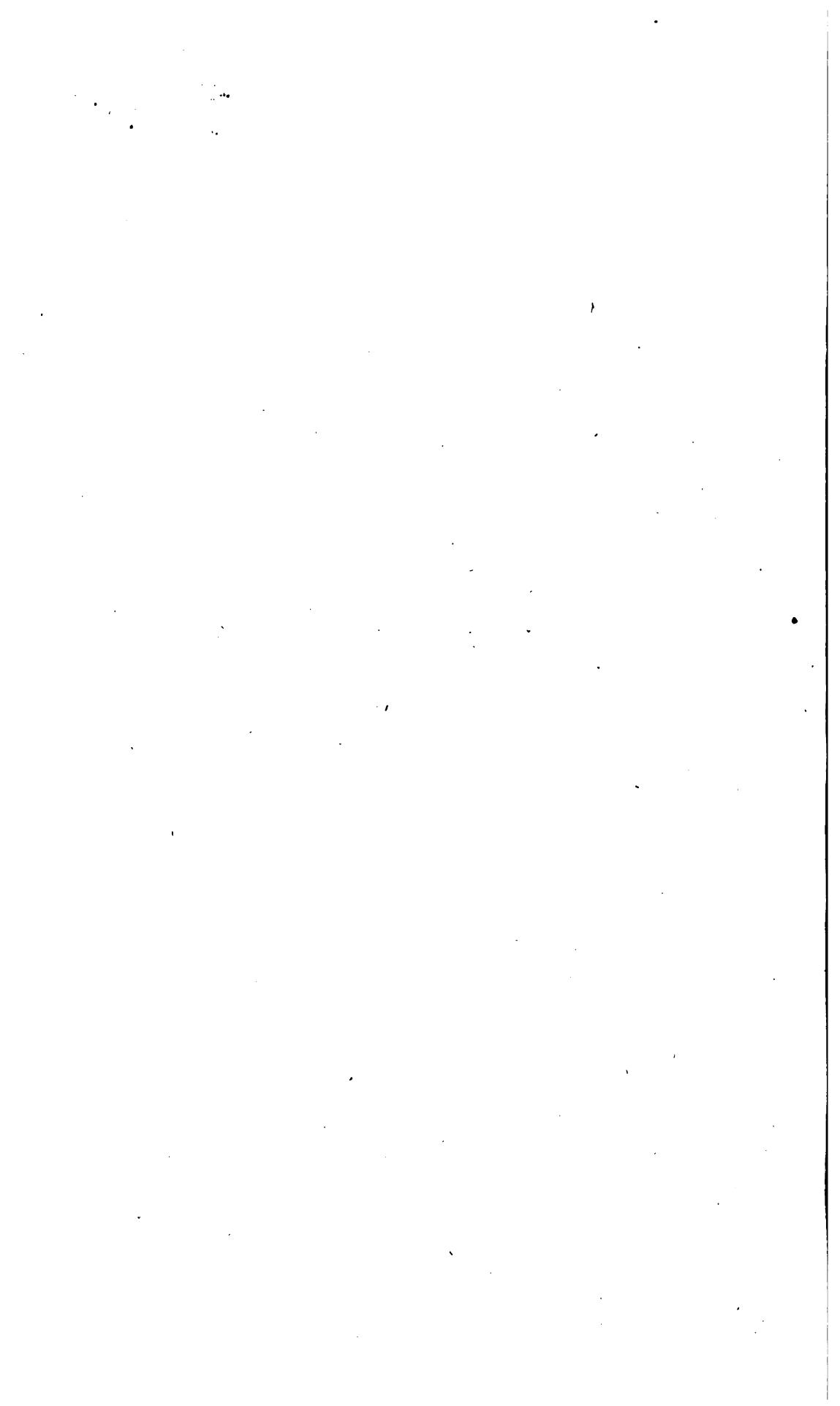

АЗОВСКОЕ СИДѢНІЕ.

Александр
Арсеньевич
ЗАБЫЛЕНЬ

АЗОВСКОЕ СИДЪНИЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ ВЪ ЛИЦАХЪ,

ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ

и

ДЕВЯТИ КАРТИНАХЪ.

Жестора Кукольника.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1855.

ОДГУЧИ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 19 Октября 1854 года.

Цензоръ А. Фрейманъ.

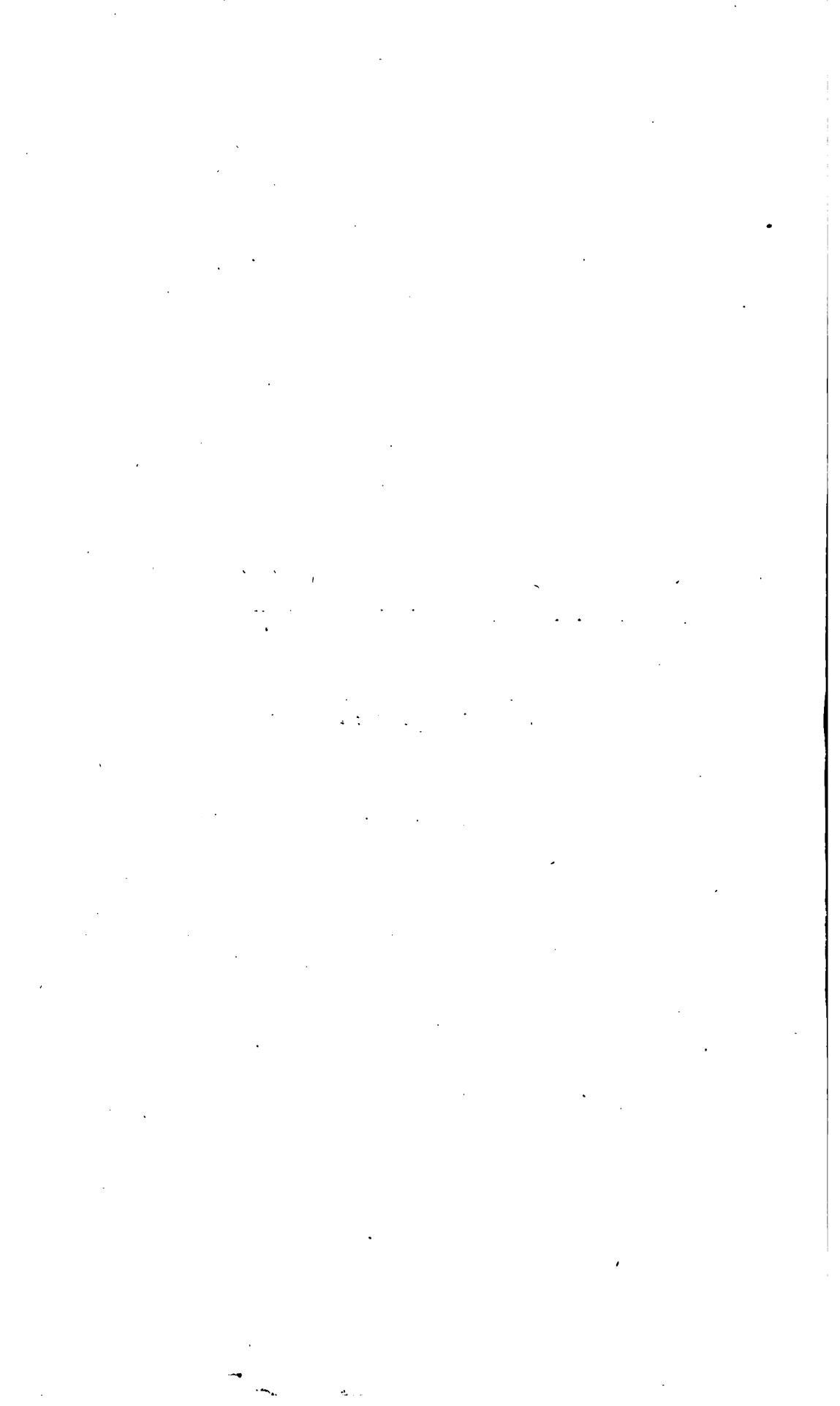
Въ типографіи И. Фишона.

PG-3337
K76A9
1855
MAIN

ПОСВЯЩЕНО

Адаму Петровичу

ЧЕБОТАРЕВУ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Осипъ Петровъ, Войсковой Атаманъ войска Донского.

Михаило Ивановичъ Татариновъ, Азовскій Походный Атаманъ.

Дарья Дмитриевна, его жена.

Евдотья Семеновна, ихъ племянница.

Войсковые Есаулы { 1-й.
2-й.

Войсковой Дьякъ.

Яковъ Матвеевичъ Кумшатный, Станичный Атаманъ.

Дарья Ефимовна Кумшатная, его сноха, вдова.

Анастасія Спигидоновна, ея мать.

Дмитрій Ефимычъ, ея сынъ.

Ульяна Игнатьевна, его жена.

Наташа, ихъ дочь, 5-ти лѣтъ.

Гаврило Шершило, Станичный Есаулъ.

Степанъ Кириловичъ Порошинъ, казакъ Донской.

Мартынъ Петровичъ Заремба, казакъ Запорожскій.

Терешко Лещина, казакъ Луганскій.

Юганъ Крестьянычъ Миллеръ, казакъ Донской.

Неизвѣстный старецъ.

Василий Чернушкинъ, казакъ Донской.

Авраамій Константиновичъ, старикъ въ станицѣ.

Старикъ 2-й.

Кондрать, казакъ.

Юсуфъ, Начальникъ Татарскаго отряда.

АРИНА } станичные казачки.
ПОРАША

РЫБАЛКА въ станицѣ.

РЫБАЛКА въ Азовѣ.

КАЗАЧКА Азовская.

ГРИШКА ПОСТРЫЙ } мальчишки.
ВАНЬКА ЪЗЖАЛКА

ЛИЦА БЕЗЪ РЪЧЕЙ:

Старшина Наумъ Васильевъ и другіе Войсковые Старшины
ничные старики, Казаки, Казачки Азовскія, Казачки Стѣнки,
Рыбалки, Мальчишки, Турки, Татаре, цѣлые Турки,
и ясырки.

Дѣйствіе на Казачьемъ Дону въ 1641 году.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

ИМЯНИННИЦА.

Чистая комната въ домѣ Дарьи Ефимовны Кумшатной. Въ одномъ углу столъ и двѣ скамьи,— дальше, по обѣ стороны, стоять покрытые, коврами, сундуки, раскрашенные и обитые жезломъ. На столѣ стопы, ендовы, ковши, чары, — всѣ разныя. Два небольшія окна, въ задней декорациѣ, на рундукѣ, да еще одно окно на лѣво, на первой отъ зрителя кулисѣ. На главныхъ дверяхъ изображеніе Ермака Тимофеевича; на дверяхъ вправо тоже нарисованъ Русскій ратникъ въ вооруженіи XVI вѣка. На рундукѣ видны женщины, — онѣ ѿдѣять сѣмачки арбузныя, орхини, и т. п., и по временамъ смѣхъ ихъ слышенъ въ комнатѣ.

ВЫХОДЪ 1.

За столомъ: Кумшатный, Шершило, нѣсколько стариковъ и Заремба — сидѣть и пьють. Въ другомъ углу: Дмитрій Ефимычъ съ молодежью, стоять почтительно. Вправо отъ зрителя на сундукѣ сидѣть Терешко съ бандурою.

ШЕРШИЛО.

Такъ ты, отецъ Атаманъ, говоришъ, безъ шутокъ,
Что знатный городъ Турацкій, Синопъ, такъ таки дрянь?

КУМПАТНЫЙ.

Дрянь, братецъ, дрянь противъ Азова; и Трапезонть
Тоже не важность! То есть, слышишъ, Гаврюха;
Ужь гдѣ я не перебывалъ съ молоду —
И подъ Царьградомъ, и по Татарскому берегу,
И въ Балаклеѣ, и въ Кефѣ, и у Эникольского Носа —
Не то сказать, города чудовыѣ, базары богатыѣ,
Корабли да каторги въ глубокихъ пристаняхъ,
Словно стерляди въ мисѣ съ ухой полощутся;
Но знаешьъ, Гаврюха, крѣпостной,
Боевой страсти, пуще Азова не было.
Куда ты, Мартынъ Петровичъ?...

ЗАРЕМВА (встасв).

Я? — Такъ!... Присидѣлось!

ШЕРШИЛО.

На рундукъ наровитъ, женскій смѣхъ подмываетъ.

КУМПАТНЫЙ.

Охъ, панъ Мартынъ, знатный ты рыцарь Запорожскій;
Да не туда попаль! Видишъ, и наши молодчики
На рундукъ безъ спросу пейдутъ, стоять въ уголочкѣ, —
Только черезъ окошечко на красавицъ поглядываютъ,
И то однимъ глазкомъ, и то тишкомъ, молчкомъ;
Такъ ужь намъ, старикамъ, тамъ не мѣсто.

ЗАРЕМВА.

Да вы, пане Атамане, развѣ вѣкъ мой считали?

ШЕРШИЛО.

Эхъ, панъ Мартынъ, на лицѣ прописано,
Да по волосамъ бѣлымъ песочкомъ присыпано.

ЗАРЕМВА.

Да это отъ трудовъ боевыхъ , лыщарской охоты.

ШЕРШИЛО.

Потрудился панъ Мартынъ Петровичъ Заремба :
Въ Азовъ съ своими не попаль , больно умаялся ;
Съль отдохнуть въ нашей честной станицѣ .
Подшибло рыцаря Запорожскаго черное око , —
Слышино , хотеть у насть Казакомъ състь , да Казачку себѣ
подбираесть .

ЗАРЕМВА.

Что правда , то правда ! Пора угомониться .

КУМПАТНЫЙ.

Пора-то давно пора , только не туда попаль !
Ты намъ не станичникъ ! Ты даже не нашъ
Казакъ . Какая Казачка за тебя выйдетъ ?
Развѣ изъ ясырокъ некрещеныхъ жену поймешъ ;
А Казачка , что называется , Казачка... — Дудки .
Да еще , панъ Мартынъ , не посвѣтуй ! Какой то у тебя Богъ ?
Можетъ быть у тебя такой Богъ , что крестить тебя при-
дется ,
Али въ вѣру приводить православную....
Безъ того нѣть мѣста на Дону иновѣрцу ;
И въ гостяхъ то долго держать не станемъ ;
А ты ужъ тутъ и такъ почитай два года пробавляешься !

ЗАРЕМВА.

Правду про васъ въ Сѣчѣ говорять , что дикіе !

КУМПАТНЫЙ.

Ну ужъ не завидуемъ ни Сѣчевому разуму ,
Ни Колпевому обычай ! По всему кругу земному

Извѣстно и вѣдомо, -и пошло за пословицу,
Что *зипуны у насъ спрые, да умы бархатные.*
Нынче, не старины времена, что всѣхъ принимали безъ
разбора.
Нынче у насть и въ Казаки попаденъ только великою
Казачью заслугою.
Наше мѣсто свято.... У насть соблазна не разводи....
У насть не на Лугані !...

ТЕРЕШКО (встает).

Не на Лугані ?

А що же такѣ тамъ у насть на Лугані ?
Булѣ сторонка лѣдная, а теперя лысая.
Отъ злодѣивъ Запорожскихъ по вѣкали.
Бодай бы вамъ добра не було, племя ведмежье !
Ось десять годовъ, якъ я на Лугані рѣдко не бувъ.
Только мини и осталось отъ моего солодкаго краю,
Що бандура, та сердце. Не мау мене ни роду, ни хаты,—
Только и славы, що православный, а де же мини Богу
молиться ?

Не чужой я и на чужой сторонци: бо у мене бандура ,
Тая бандура на всихъ языкахъ знає...
У мене — голосъ, чистый голосъ, слѣзами вымыть.
У мене — память, не забуди Лугані !
Не забудуть добрыи люди пѣсень Терешки ;
Зачують и у Дьявольской Сѣчѣ голосъ Лещини!...

КУМПАТНЫЙ.

Ну, Мартынъ Петровичъ, добрая же слава про васть лежить.

ЗАРЕМВА.

То не про насть; то про Гайдамаковъ, про неурядную
сволочь.

А мы шляхетскаго рода, чистаго льщерства.
Насъ такъ и са́мъ Ханъ Пере́копскій уважаетъ.
Отъ тогого-то я и пришелъ къ вамъ, что взлюбилъ
Вашъ Тихій Донъ быволицый; а Днѣпъръ нашъ
Весь въ камняхъ, будто его злая осна изъѣла.

ТЕРЕШКО.

А за каждой каменюкой злодій, або разбойникъ....

ЗАРЕМІВА.

Да что Ханъ! Самъ Султанъ присыпалъ,
Звалъ меня къ себѣ на службу, Пашей хотѣль сдѣлать,—
Я плюнулъ! Не хочу! Иду на Донъ! Тамъ лучше!

ШЕРШІЛО.

Что лучше? Наши бабы чёрнобровки?
Это онъ, отецъ Атаманъ, на твою невѣстку мѣтить.

КУМПАТНЫЙ.

Пусть мѣтить, промахнется! Даша — звѣье такое,
Что отъ нее всякий одурѣеть, какъ отъ дурмана.

ТЕРЕШКО (про себя).

Даша! А може и пѣсня про тую-жъ Дашу!

КУМПАТНЫЙ.

Даша! Шутка сказать — Даша! Кусается, панъ Мартынъ!
Вотъ, братъ Андрей, не простой Казакъ, на Дону не
послѣдній быль....

Казну истратилъ, всѣхъ свахъ перебралъ по напрасно,
Почитай силой взялъ, — хуже — обманомъ:
Созвали сборъ станичный; донось на нихъ написали;
Привели къ станичной избѣ и Анастасью

Спиридоновну, и Дмитрия Ефимыча, и Дашу;
А братъ мой, не тъмъ будь шомянуть, схватиль Дашу за
руку,
Да крикнулъ на сборъ: «вотъ, честная станица,
«Жена моя. Ее полюбиль я и выбралъ, а вы утвердите!»
—Утверждаемъ, утверждаемъ!— Та и опомниться не ус-
пѣла....

Пришла на судъ, а вышла за мужъ... Не ладно, не честно!

ТЕРЕХО (про себя).

Вона! Ей же Богу, вона!

КУМИШАТНЫЙ.

И ты, Гаврюха, и ты душой покривиль;
Вѣдь ты и тогда бысть Есаульцемъ станичнымъ,
Могъ бы словечко замолвить старшимъ: — грѣхъ-де такъ
поступать! —

Вѣдь Даша то не съ охоты вамъ досталась:
Не Черкешенка, не Турчанка, — своя, Казачка чистаго рода.
А вы, будто пѣнницу изъ Крымскаго ясыря, порышили...
Счастье ваше, что я тогда гуляль подъ Царьградомъ:
Будь я, не позволилъ бы, видить Богъ не позволилъ...
Вотъ Богъ и покараль: поѣхали въ городъ вѣнчаться,
Да не всѣ воротились: брата смерть забыла;
Анастасью — злой недугъ душилъ больше года.

Чтò ты, Тереха, мнѣ кланяешься?

ТЕРЕХО.

Сердцю твоему доброму, головкѣ розумной.
Диковинамъ люблю кланяться!...

КУМИШАТНЫЙ.

Сядь, Тереха,
Къ намъ по ближе!

ТЕРЕНКО.

Намъ съ бандурой и тутечки добре!
И вона, пане Отамане, за тѣбе радується;
И вона про твою гарную Дашу щось знає...

КУМПАТНЫЙ.

Будто? Да и не диво. Съ Черкасского и съ старыхъ Раздоръ,
И съ далеча, вотъ какъ и ты, Мартынъ Петровичъ,
Женихи наѣзжали; такъ нѣть! У вдовы — своя воля.
Никто ей не заказъ! Никто ей не приглянулся!
Мыломъ закусили, да домой и вернулись. А Даша,
Въ четыре года, ни вздохнула. Вотъ Казачка, такъ Казачка!
Вотъ ужъ развѣ кто изъ Азовскихъ молодцовъ
Закабалить Дашино сердце громкой Казачьей славой.

ЗАРЕМВА.

Ну ужъ вы съ своимъ дурацкимъ Азовомъ.
Есть чѣмъ хвастать!

КУМПАТНЫЙ (*вставъ и стукнувъ по столу кулакомъ*).

Дурацкій! Азовъ — дурацкій! Гаврюха — слышитъ?
Да какъ стоитъ ваша Запорожская трущоба,
Такъ никому изъ васъ такого превеликаго дѣла
И во снѣ не удалось видѣть. Ахъ ты, темя баранье!
А еще на Казачкѣ жениться выдумаль!... Дудки!...
Какъ вамъ на Днѣпрѣ отъ Латынщикова жутко пришлось,
Такъ вы кудѣ махнули? Потянули къ бусурманамъ на
службу!

На поганыхъ хлѣбахъ задумали
Добывать зипуна молодецкаго!
Охъ ужъ вы, Казаки оплаканные,